

**БОГОСЛОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
“ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ЦЕРКВИ ”**

Москва, г/к “Даниловский” 14-17 ноября 2005 г.

Проф. прот. Владислав Цыпин,
Московская Духовная Академия

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕМА В ПОСЛАНИЯХ СТАРЦА ФИЛОФЕЯ

Идея о Москве — Третьем Риме, восходящая к рубежу XV – XVI столетий, сохранила свою актуальность и пять столетий спустя, в наше время, по меньшей мере, если судить об этом по присутствию ее в публицистике. Столь парадоксальный и в то же время понятный интерес к мыслям старца Елеазарова монастыря Филофея, поставившего Москву в ряд великих мировых столиц, носит далеко не академический характер и питается не только своего рода ностальгией по прошлому: для одних — отдаленному, для других — совсем недавнему. Сквозь призму учения старца из псковского Елеазарова монастыря наши современники пытаются сконструировать образ будущей России, или точнее сказать, идеальную модель Российского государства. Чаще всего идея о Москве — Третьем Риме используется для апологии модели многонациональной и в этом смысле «имперской» России в противоположность моноэтническому партикуляризму. При этом обыкновенно либо игнорируются, либо превратно интерпретируются библейские корни учения старца Филофея.

Между тем, исходной точкой развития учения о Третьем Риме является то место в книге Даниила, где пророк дает толкование таинственного сна Навуходоносора. Объясняя царю содержание смутившего его сновидения, пророк сказал: «Тебе, царь, было такое видение: вот, какой-то большой истукан... этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его — из серебра, чрево его и бедра его медные, голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные. Ты видел его, доколе камень не оторвался от горы без содействия рук, ударил в истукана, в железные и глиняные ноги его, и разбил их...» (Дан, 1-34). В этом сне пророк Даниил видит ответ, данный свыше, на раздумья царя о том, что будет после него, иными словами, останется ли созданное Навуходоносором царство вершителем судеб мира или уступит место иным царствам. По толкованию Даниила, золотая голова, грудь и руки из чистого серебра, чрево и бедра медные и ноги, частью железные, частью глиняные, символизируют смену четырех мировых империй (Дан, 2, 37-43). Исторически такими последовательно доминировавшими царствами были монархии Вавилонская, Мидо-Персидская, империи Александра Македонского и Римская.

По толкованию, общепринятому у христианских экзегетов книги пророка Даниила, на время существования четвертой империи приходится появление Царства не от мира сего, Мессианского Царства. Мессианское Царство — это Церковь Христова. Оно — Божественное по своему происхождению («Бог небесный воздвигнет» его), вечное («во веки не разрушится») (Дан, , 4), вселенское, кафелическое («камень, разбивший истукана, сделался великою горою и наполнил всю землю») (Дан, , 5). И это Мессианское Царство, Церковь, олицетворяется в личности своего Основателя Господа Иисуса Христа. Гора же, от которой отторгнут был камень, — это, по толкованию одного из песнопений Православной Церкви, Божия Матерь — «Камень нерукосечный от несекомья Горы Тебе, Дево, краеугольный отсечеса». Вот строго ортодоксальное христианское истолкование богословской и исторической перспективы видения Навуходоносора и его объяснения, данного пророком Даниилом.

Но появление Мессианского Царства во время существования Римской империи дало христианской историософии повод для того, чтобы атрибут вечности, присущий Церкви, переносить на христианизированный Рим. В этой системе идей вечно существует не только Церковь Христова, но и Римская империя. Мысль эта получила распространение на Западе и в Византии, а потом и на

Руси. Старец Филофей выразил эту мысль так: «Ромейское царство неразруσιμο, яко Господь в римскую власть написася» (Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984, с.448). Иными словами, Римское царство неразруσιμο, ибо сам Господь по рождестве Своем был записан в Вифлееме как подданный Римского кесаря Августа. Объяснение богословски наивное, но вполне отвечавшее средневековому строю исторического мышления.

Перенос столицы Римской империи на Босфор и наименование Константинополя Новым Римом в этом идейном контексте осмыслено было в Византии после церковного разрыва с Римом как провиденциальное событие, предвосхищавшее перемещение центра православного мира с Тибра на Босфор. Превосходной иллюстрацией осознания подданными Восточной Римской империи себя единственными подлинными наследниками древнего христианского Рима может служить весьма своеобразная и ошибочная интерпретация византийским канонистом Аристином значения предлога «по» (μετά), употребленного в 3 правиле II Вселенского Собора и в аналогичных местах в 28 правиле IV Вселенского Собора и 36 Трулльского Собора. «Константинопольский епископ да имеет преимущество чести по римском епископе, потому что град оный есть новый Рим», гласит 3 правило II Вселенского Собора. Аристин в толковании на это правило писал: «Одинаковые преимущества и одинаковую честь с римским епископом должен иметь и епископ Константинополя, как и в 28 правиле Халкидонского Собора понято это правило, потому что этот город есть новый Рим и получил честь быть градом царя и синклита. Ибо предлог «по» (μετά) здесь обозначает не честь, но время, подобно тому, как если бы кто сказал: по многом времени и епископ Константинополя получил равную честь с епископом Римским». По мысли Аристина, «по многом времени» обозначает, вероятно, около 7 столетий, то есть время, протекшее между II Вселенским Собором, отцы которого провиденциально предвидели отпадение Римского епископа от Православия, и самим этим роковым событием 1054 г.

Тенденциозность толкования Аристина сознавали современные ему канонисты. Ему убедительно возражал Зонара: «Некоторые думают, что предлог «по» означает не умаление чести, а сравнительно позднейшее появление сего установления... Но 131-я новелла Юстиниана, находящаяся в пятой книге Василия, титуле 3-м, дает основание иначе понимать эти правила, как они и были понимаемы этим императором. В ней говорится: «Поставляем, согласно с определениями Св.соборов, чтобы Святейший папа древнего Рима был первым из всех иереев, а блаженнейший епископ Константинополя, Нового Рима, занимал второй чин после Апостольского престола древнего Рима и имел преимущество чести пред всеми прочими». Итак, ясно видно, что предлог «по» означает умаление и уменьшение. Да иначе и невозможно было бы сохранять тождество чести по отношению к обоим престолом. Ибо необходимо, чтобы при возношении имен предстоятелей их один занимал первое, а другой — второе место, и в кафедрах, когда они сойдутся вместе, и в подписаниях, когда в них будет нужда». С Зонарой во всем согласен и Вальсамон. Однако в славянской Кормчей получила отражение точка зрения Аристина. В толковании Кормчей сказано: «А еще рече правило, ... не о том глаголет, якоже римскому честию больше быть, но о сказании времени се речено есть. Якоже бы некто рек: по многих летах равныя чести римскому епископу и Константина града епископ сподобися». Идея странствующего Рима, Рима, переместившегося с Тибра на Босфор, выражена в столь своеобразном толковании Аристина с большой отчетливостью.

После падения Константинополя, завоеванного османами, в котором на Руси увидели Божию кару за Флорентийскую унию, Москва, с 1480 г. оставшаяся столицей единственного независимого и в этом смысле самодержавного православного государства, стала восприниматься вначале на Руси, а потом и на православном Востоке как новый политический центр православного мира. Кроме того, идея о переходе привилегий Ромейских императоров к Московскому великому князю нашла дополнительную поддержку в браке Ивана III с племянницей последнего Императора Зоей Палеолог, переименованной в России в Софью.

Тогда-то и сложились политические и церковные предпосылки для формулирования идеи о Москве — Третьем Риме. Первое приближение к этой мысли находим в Извещении митрополита Зосимы о Пасхалии на восьмую тысячу лет, составленном в 1492г., где глава Русской Церкви назвал Москву новым Константинополем: «И ныне прослави Бог — в православии просиявшего, благоверного и христоролюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, новаго царя Константина новому граду Константино-Москве». (цит. по: А. В. Карташев, История Русской Церкви, т. 1, М., 1993, с. 389).

В конце XV века в окружении архиепископа Новгородского Геннадия была написана «Повесть о новгородском белом клобуке», сочинение легендарное и апокрифическое, прямо осужденное Большим Московским Собором 1667 г. как «лживое и неправое», но весьма характерное для русской религиозной и политической мысли рубежа XV-XVI столетий. В этой «Повести» в уста папы Римского св. Сильвестра, явившегося в сонном видении Патриарху Константинопольскому Филофею, влагаются пророчество о грядущем величии Руси: «Но древле, по явлению света Господня, шедшего с небесе, и Божия гласа, бывшего ко мне, вразумляем аз и разумех хотящую латынскую прелесть и от Бога отступление в Риме быти. И сего ради не восхотех святого оногo клобука на главе своей носити и прочим такожде заповедах. В царствующем же сем граде Константине по неколицех временех обладати имуть агаряне за умножение грех человеческих, и вся святая осквернят, истребят, яко же в создании града сего явлено бысть о сем. Ветхий бо Рим отпаде от веры Христовы гордостью и своею волею, в новом же Риме, еже есть в Константинеграде, насилем агарянским тако же христианская вера погибнет. На третьем же Риме, еже есть на Руской земли, благодать Святого Духа воссия. И да веси, Филофие, яко вся христианская царства приидут в конец и снудутся во едино царство Руское, православия ради» (Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985, с. 222 - 224).

Мысль о Москве как Третьем Риме утвердилась в русском церковно-политическом сознании, получив полуофициальный статус, не чрез легендарную «Повесть о белом клобуке», а в том виде, в каком она сформулирована в нескольких посланиях старца Елеazarова монастыря Филофея, имеющих характер религиозно-публицистических трактатов. «Да веси, христороубче и боголюбче, — пишет старец, — яко вся христианская царства приидоша в конец и снудошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть Росейское царство: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти» (Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984, с.452).

Здесь необходимо сделать одно существенное разъяснение относительно точного содержания мыслей старца Филофея о падении Константинополя. На Руси распространено было мнение о том, что у греков, под властью турок-мусульман, в повреждении оказалось и само Православие. Это убеждение в XVII веке явилось питательной почвой старообрядческого раскола. «А о греческих властех и вере их нынешней, — нисал протопоп Аввакум Царю Алексею Михайловичу, — ведаешь, что у них иссяче благочестие» (Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М., 1960, с.197). Тот же неистовый расколоучитель писал Царю: «Воздохни-тко по-старому, ... добренько, и рцы по русскому языку «Господи, помилуй мя грешнаго!» А кирелеисон-от оставь; так еллена говорят, плюнь на них! Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек» (там же, с. 159).

В таком недоверии к православию греков, на эмоциональном уровне граничащем с презрением к ним, старец Филофей не был повинен. В завоевании Константинополя турками он, действительно, видел Божию кару за Флорентийскую унию, но в том, что после отказа от унии греки остались народом православным, он не сомневался. Потеряли они только царство, а несравненно более ценное — веру они сохранили. Эту мысль он выразил в «Послании о злых днех и часех » вполне недвусмысленно: «Воистину людие буи, а не мудри, аще убо великаго Рима стены и столпове, и трекровныа полаты не пленены, но душа их от диавола пленены быша опреснок ради. Аще убо Агарины внуци греческое царство приаша, но веры не повредиша, ниже насилствуют греком от веры отступати» (Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984, с.448).

Если бы учение старца Филофея о Третьем Риме, ставшее полуофициальной идеологией Русского государства, имело антиэллинский крен, столь характерный для позднейшего старообрядчества, оно не могло бы снискать признания на христианском Востоке — у греков. А в действительности оно до известной степени было признано и там. Так, при учреждении в Москве Патриаршества была составлена «Уложенная грамота», в которой, частности, воспроизведено слово, с каким Патриарх Константинопольский Иеремия обратился к Царю Феодору Иоанновичу. В той редакции, какую этому слову придали составители «Уложенной грамоты», Патриарх почти дословно цитирует старца Филофея: «В тебе благочестивом царе Дух Святой пребывает, и от блага сицевая мысль тобою в дело произведена будет... так как ветхий Рим пал от аполлинариевой ереси, а второй Рим — Константинополь находится в обладании у безбожных турок, то твое, благочестивый царь, великое Российское царство — Третий Рим превзошло благочестием все прежние царства; они соединились в одно твое царство, и ты один теперь именуешься христианским царем во всей

вселенной» (А. В. Карташев, цит. изд. Т. 2, с. 36). По поводу происхождения этого текста А. Карташев замечает: «Надо полагать, что эта русская редакция слов Иеремии всё-таки не является прямой неправдой. Она соткана из тех комплиментарных слов, которые не раз приватно и в официальных речах Иеремия высказывал о московском православном царстве и русском благочестии» (там же). Как бы там ни было, важно, прежде всего то, что процитированный текст авторизован Константинопольским Патриархом Иеремией. Поэтому, с каким бы скепсисом в наше время ни относились в Константинопольском Патриархате к возможности признания учения о Москве Третьем Риме на православном Востоке в XVI веке, под «Уложенной грамотой» поставлена подпись Константинопольского Патриарха.

Из приведенных выше соображений совершенно понятным делаются исторический контекст и историософская логика появления учения о Москве Третьем Риме. Но недоумение вызывает утверждение старца Филофея о том, что Четвертому Риму не бывать. Почему в своем странствовании Рим остановился на Руси и в Москве, почему он не может в будущие времена еще раз переместиться в иное место? Существенная деталь в истории развития идеи о Москве — Третьем Риме, какое она проделала после старца Филофея, заключается в том, что носившие по преимуществу триумфалистский характер позднейшие интерпретации учения старца как будто бы вовсе не были обременены этим, казалось бы, столь необходимым вопросом. При знакомстве с этими позднейшими интерпретациями как XVII так и XX веков возникает впечатление, что, по представлениям таких интерпретаторов, старец, созерцая величие Русского государства, пораженный чистотой православия русских людей и высотой их нравственности, пророчески произнес это свое знаменитое утверждение о том, что Четвертому Риму не бывать, потому ничего более совершенного, чем Третий Рим — православная Русь, быть не может, и Третий Рим будет еще долго, до скончания века, пребывать в том величии и той славе, в которых они открылись взору старца из Елиазарова монастыря. Но подобный ход мыслей предельно далек от того, который в действительности присутствует в его знаменитых посланиях.

В сочинениях старца Филофея нет и тени от апологии уклада жизни на Руси в его эпоху, какая, вероятно, и ныне предполагается его наивными читателями, которые воспринимают его учение сквозь призму позднейшей идеологии Московской Руси, обнаружившей себя особенно ярко в XVII столетии, причем с одинаковой силой и у Патриарха Никона, и у его антагонистов старообрядцев, по меньшей мере, старообрядцы были приверженцами подобного понимания идеи о Москве Третьем Риме, пока сохраняли надежду на то, что им удастся одолеть никониан и восстановить на Руси «древнее благочестие».

Между тем, посланиям старца Филофея в действительности свойствен вовсе не панегирический, а как раз напротив, обличительный пафос: «Видиши ли, — пишет старец великому князю и царю Ивану Васильевичу, — яко вся царства потопишася неверием, новыя же Русия царство аще и стоит верою в православии, но добрых дел оскудением и неправда умножися (цит. по: Малинин В.. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев, 1901, с. Примечания, с. 64). Старец сокрушается сердцем о тяжких пороках, укоренившихся на Руси. Он скорбит об обидах, которые чинят церквам и монастырям сильные мира сего, отнимая у них их достояние, их земли, он обличает пагубный грех симонии, и наконец, особую тревогу у старца вызывает распространение на Руси содомского греха, и он призывает великого князя искоренить из Русской земли этот «горький плевел»: «О третьей же пишу, и плача горце глаголю, яко да искорениши из своего православного царствия сей горький плевел, о нем же и ныне свидетельствует пламень жупельного горящего огня в содомских стогнах. О нем же пророк Исаия рыдая глаголаше: слышите слово Божие, князи содомстии, и внушите глагол Божию людие гоморьстии, что ми тук жертв ваших, и приношений ваших. Исполнен есмь всеожжений. Не принесете ми кадила, мерзостно ми есть. И праздников ваших ненавидит душа моя» (цит. по: Малинин В.. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Примечания, с. 52). Процитировав пророка Исаию, старец Филофей затем замечает: «Да слыши, благочестивый царю, яко пророк не мертвым погибшим содомлянам таковая глаголаше, но живым человеком творящим дела их...ог сотворил человека и семя в нем для чадородия, мы же сами свои семена даем во убийство, и в жертву дьяволу. Да сия мерзость умножися не токмо в мирских, но и в прочих, о них же помолчу, чтый же да разумеет» (там же, с. 52 – 53).

Таким образом, и из этого места, и из иных обличительных пассажей старца Филофея с очевидностью вытекает мысль о том, что Четвертому Риму не бывать потому, что и на Руси — в

Третьем Риме, в котором, по его выражению, сошлись все православные царства воедино, мера греха уже такова, что истощается надежда на долготерпение Божие, для Четвертого Рима уже не остается больше исторического времени, ибо приблизилась кончина мира. Москва — Третий Рим, а Четвертому не быти — это, по мысли старца Филофея, повод не для гордыни, а для эсхатологических ожиданий. «Твое христианское царство инем не останется», — это предсказание под пером старца Филофея имело самый прямой смысл, то есть речь шла не только о том, что царство Римское, переместившееся в Москву, там и останется, не перейдя к другим народам и в другие страны, но и том, что его адресат, великий князь и царь Иван Васильевич — последний царь на земле, у которого не будет наследников, потому что впереди второе Пришествие.

Апокалиптические настроения вообще были чрезвычайно характерны для духовной атмосферы конца XV в, когда приближался конец VII тысячелетия от сотворения мира по принятому тогда летосчислению. Об этом с большой точностью писал наблюдательный историк русской религиозной и философской мысли протоиерей Георгий Флоровский: «Чувствуется сокращение исторического времени, укороченность исторической перспективы. Если Москва есть Третий Рим, то и последний, — то есть: наступила последняя эпоха, последнее земное «Царство», конец приближается.... С тем большим смирением и с «великим опасением» подобает блюсти и хранить чистоту веры и творить заповеди. В послании к великому князю Филофей именно предостерегает и даже грозит, но не славословит. Только уже вторично эта апокалиптическая схема была использована и перетолкована официальными книжниками в панегирическом смысле. И тогда превращается в своеобразную теорию официозного хилиазма. Если забыть о Втором Пришествии, тогда уже совсем иное означает утверждение, что все православные царства сошлись и совместились в Москве, так что Московский Царь есть последний и единственный всемирный Царь» (Георгий Флоровский, протоиерей. Пути русского богословия. Париж, 1988, с. 11).

Но как и подобает христианину, старец Филофей, предполагая скорый конец истории, ожидая явления антихриста и Второго Пришествия в мир Спасителя, не придает этим своим ожиданиям категорического значения, и не утрачивает надежду на милосердие и долготерпение Божие, на то, что еще есть время для покаяния и исправления. Потому и пишет он с такой настойчивостью послания сильным мира сего, что еще надеется, что в их силах очистить землю Русскую, погрязшую в скверне, от «горького плевела». Не в пример современным апокалиптикам, старец Филофей в своих эсхатологических ожиданиях и опасениях опирается не на кабалистические расчеты, а смотрит в корень дела — на нравственное состояние современного ему человечества, давая ему при этом крайне мрачную, хотя и не безнадежную оценку.

Реанимация идеи о Москве — Третьем Риме в наши дни отталкивается, как уже было сказано, скорее от позднейшей триумфалистской, граничащей с хилиазмом, версии этой доктрины, чем от оригинального учения старца Филофея. Однако у идеи знаменитого старца есть и другое преемство, подхватившее ее эсхатологический акцент. Эта другая апокалиптическая линия идущей от Филофея традиции ведет к апокалиптике беспоповского старообрядчества, в которой однако, ввиду того, что эсхатологические ожидания первых старообрядцев не исполнились, сложились далеко уклонившиеся от православной эсхатологии и тем самым также от учения безукоризненно православного старца из Елеазарова монастыря мысль о деперсонифицированном антихристе. Между тем, эти почерпнутые из эсхатологии беспоповцев идеи с изрядной настойчивостью воспроизводятся иными из современных апокалиптиков, озабоченных не столько нравственным состоянием современного мира, сколько игрой в числа.